

Попытки формулирования единых методических указаний по организации антирелигиозной пропаганды в советском государстве (1917–1941 гг.)

И.И. ЯНУШЕВИЧ

В статье проводится анализ содержания антирелигиозной пропаганды в советском государстве до 1941 г. Определено, что идеалистическое мировоззрение обозначалось ключевым препятствием в процессе строительства коммунизма. Проанализированы попытки создания новых идеологических штампов, требующих веры в идею построения нового совершенного общества, основанного на коммунистических идеалах. Установлено, что антирелигиозный аппарат на местах не получал систематизированной и адаптированной к политическому моменту методической помощи. Теоретические выкладки классиков марксизма-ленинизма, высказывания ответственных партийных деятелей и профессиональных безбожников не стали эффективным инструментом для атеистического воспитания населения.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, атеизм, коммунистическая партия, Православная церковь.

The article analyzes the content of anti-religious propaganda in the Soviet state before 1941. It is determined that the idealistic worldview was a key obstacle in the process of building communism. The article analyzes the attempts to create new ideological stamps that require faith in the idea of building a new perfect society based on communist ideals. It has been established, that the anti-religious apparatus in the field did not receive systematic and politically relevant methodological assistance. The theoretical findings of the classics of Marxism-Leninism, as well as the statements of responsible party officials and professional atheists, did not become an effective tool for the atheistic education of the population.

Keywords: anti-religious propaganda, atheism, Communist Party, Orthodox Church.

Приход к власти в России сторонников агрессивного материализма требовал от новых руководителей сформированного антирелигиозного аппарата обозначения своего понимания места религии в советском государстве. Теоретические выкладки о «логичности» и «обоснованности» отказа от религиозных верований, «перспективности» и «актуальности» построения коммунистического государства, «иллюзорности» Бога были достаточно обширны. Из всего этого многообразия необходимо было выбрать то, что сообразовалось бы с государственным строительством в перспективе и вопросом удержания власти в конкретный политический момент. Предлагаемая потребителям информация в тоже время должна была стать органической частью мировоззрения советского человека. На идеологический аппарат возлагалась функция выработки потока информации, оказывающей максимальное содействие реализации внутренней и внешней политики [1, с. 14]. Советский гражданин должен был стать атеистом. Религия как часть мировоззрения человека выбивалась из общего контекста народнохозяйственной и социально-политической агитации. «Освящение», легитимация власти были одной из ее функций, а в России фактически вся жизнь человека была пронизана религиозными действиями и установками. Значение Русской православной церкви (РПЦ) в жизни общества было колоссальным. Стремящиеся к максимальному ограничению влияния Православной церкви либеральные российские круги ни в коем случае не предполагали вывести ее из системы управления массами. Большевики же предлагали сломать все противоречащие коммунистическому учению устои буржуазного прошлого. В рамках этого процесса предстояло ликвидировать идеалы и институты, объединяющие потенциальных противников нового режима [2, с. 4–7]. В Российской империи оплотом державности, стабилизирующим фактором являлась РПЦ и иные традиционные культы. Следовало возвести в ранг государственной идеологию, разрушающую и православие, как составную часть мировоззрения более чем ста миллионов людей, и их религиозность как фактор естественного состояния общества. Большевики не могли позволить себе нейтральное отношение к религии в силу того, что на пути к коммунизму вера в сверхъестественные силы должна была исчезнуть [3, с. 41–42]. Членом коммунистического общества мог быть только атеист-материалист.

Важнейшей промежуточной задачей являлось обоснование и информационное сопровождение идеи возможности и даже обязательности формирования «общества свободного от религии». К. Маркс утверждал: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья» [4, с. 9]. Классики марксизма-ленинизма в своих трудах обозначили пути достижения данного результата. Одним из условий было осуществление «коммунистической революции» и переход власти к правительству трудящихся. В России этот шаг в 1917 г. был осуществлен. Новое политическое руководство обосновывало неминуемость дальнейшей трансформации общественно-политической и социально-политической ситуации в стране в соответствии с коммунистическим учением. В.И. Ленин указывал: «Марксизм есть материализм» [5, с. 142]. «Беспощадно враждебный религии» материализм являлся одной из главных идеологием большевизма. В тоже время антирелигиозники понимали, что религия и Православная церковь, в свою очередь, в царской России выполняли не только традиционную функцию по духовному окормлению верующих, но и охватывали практически все стороны жизни человека, в том числе политическое участие. Чтобы успешно конкурировать с религией, постулаты марксизма, по меньшей мере, должны были дать человеку аналогичные мировоззренческие установки. Их насаждение фактически привело к созданию «религиозной атеистической секты», предложившей свой вариант «смысла жизни» [6, с. 129–132]. Имевшую место легитимацию власти православного царя в многоконфессиональном государстве в рамках идеологических установок официальной народности предполагалось выразить в формировании культа вождей большевизма. Человек определенной политической ориентации наделялся сверхъестественными способностями. Безбожие становится «религией без мнимых богов». Новые вожди и их идеи пропагандой обозначались как гарантия построения коммунизма, то есть принципиально новой «социальной системы», не требующей наличия религии как «общей теории» «превратного мира» в «популярной форме». Коммунизм становится религией, стремящейся заменить собой христианство [6, с. 384–386].

Для управления массами требовался новый действенный механизм, новая идеология, иное миропонимание, а материал для построения безрелигиозного общества был в абсолютном большинстве своем религиозен или, по крайней мере, принимал участие в тех или иных религиозных действиях. Классики марксизма-ленинизма однозначно указывали, что социально-бытовые условия жизни, ее качество основополагающим образом влияют на мировоззрение человека [5, с. 142–143]. В случае с Советской Россией резкого поднятия уровня экономического развития и благосостояния граждан в ближайшей перспективе не просматривалось, а государственное строительство необходимо было вести ускоренными темпами. В религиозной части идеологической работы следовало дать четкие установки по двум основным направлениям. Первое, обозначить причины, по которым современный человек должен быть именно атеистом, и второе, продемонстрировать опасность «контрреволюционной», «антинародной» природы религии. Замещение религии и церкви безбожием или материализмом в сочетании с «религией без мнимых богов» представлялось эффективным и понятным инструментом [7, с. 42]. Следует отметить, что без искренней убежденности в своей правоте 300 тысяч большевиков не смогли бы увлечь или нейтрализовать своими действиями по строительству нового мира миллионы граждан. И эта убежденность или роль были сродни вере в непогрешимость, правильность, выверенность марксизма. И в достижение своих целей приверженцы «коммунистической религии» готовы были заимствовать у религии и церкви наиболее популярные и распространенные символы. Доходило вплоть до изображения К. Маркса в виде бога-отца на небесах с «Капиталом» в руках вместо скрижалей. Сакральность и культ почитания В.И. Ленина, иных вождей партии и особенно В.И. Сталина становится элементом государственной идеологии наряду с коммунизмом как высшей ценностью. Главной проблемой для руководства компартии, особенно антирелигиозного аппарата, являлось то, что подобные убеждения, вера в коммунизм должны были сначала стать массовыми, а затем и овладеть всеми гражданами страны Советов. Внятного же ответа, почему верующий человек не мог быть полноценным строителем социализма и коммунизма, несмотря на многочисленные вопросы населения и аксиомы пропагандистов, так и не было получено [8, л. 577–583], [9, л. 23].

Как уже отмечалось, на пути превращения советского гражданина в атеиста секуляризация, «общество свободное от религии» рассматривались в качестве промежуточного этапа. Он, безусловно, требовал соответствующего информационно-пропагандистского сопровождения, содержательное наполнение которого развивалось по двум основным направлениям. В первую очередь необходимо было убедить население, особенно партийный и советский аппарат, в неминувости построения коммунизма. Весь ход человеческой истории, согласно марксизму-ленинизму, указывал на то, что существующие формы государственного устройства исчерпали себя и стоят на грани трансформации, а в Советской России этот процесс уже запущен [10, с. 13]. Религия же жизнеспособна только в обществах уходящих, в основывающихся на эксплуатации человека человеком формациях. Если господствующие классы низвергнуть, а потом и полностью их ликвидировать, то и простой человек сможет жить в соответствии со своими собственными интересами, а не по указке «попа», как свободный индивид, а не «раб божий». «Коммунистическая революция... самым решительным способом» порвала с идеями, унаследованными из прошлого, что обосновывалось как залог правильности направления движения советского государства и общества [10, с. 13]. У человека появилась возможность обладать средствами производства и, низвергнув правящие классы, опровергнуть «социальные принципы христианства», самостоятельно обеспечивать свою жизнь благодаря новой политической системе. Здесь же пропаганда указывала на основные угрозы данному процессу. Реставрационные настроения, главным образом «бывших людей», обозначались существенным препятствием в сохранении достижений Октябрьской революции. Публично отрекаясь от Бога, отказываясь от религиозных обрядов и таинств, человек якобы обеспечивал и себе, и государству безопасную, достойную жизнь на земле. Безбожие возводилось в возможность идти по пути самого справедливого общественного строя – коммунизма, «требующего принудительного единства мысли» [11, с. 269].

Подобная мотивация, безусловно, могла воздействовать и быть эффективной по отношению к человеку неверующему или не воцерковленному. Резолюция XII съезда РКП(б) 1923 г. констатировала, что «религиозные верования еще долго будут сохранять под собой почву», а работа партии «по окончательному разрушению религиозных верований... приобретает прежде всего характер углубленной систематической пропаганды» [10, с. 5]. Однако материализм рассматривался как одна из составных частей лояльности Советской власти [12, с. 418]. Атеизм же в государстве, где 80–90 % населения являлись верующими, мог носить только ярко выраженный наступательный характер.

Низовые идеологические структуры нуждались в четких указаниях. Партийные решения 1921 г., 1923 г., 1924 г. антирелигиозным аппаратом на местах не могли быть восприняты иначе как смена курса [13, л. 230]. Репрессивные действия 1930-х гг. привели большинство руководящего состава на местах к мысли о неактуальности агитационно-пропагандистской работы, явно проигрывающей действиям органов госбезопасности. Декларируемые публично ленинские требования избегать оскорбления религиозных чувств верующих и сталинские «терпеливо и настойчиво» не соотносились с антирелигиозным ресурсом идеологической вертикали. Такие политические деятели как Л.Д. Троцкий, П.А. Красиков, И.И. Скворцов и др. давали сигналы на места о необходимости проведения жесткого курса, вплоть до авантюрных мер. В руководящих документах четко указывалось: «обеспечить отрыв молодежи от церкви». Следует отметить, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В.И. Ленин из общего объема работ религии уделяли весьма незначительное внимание. Еще меньше высказывал свою позицию И.В. Сталин, особенно, что касалось религиозности, веры в Бога. В.И. Ленин рассматривал борьбу против религии «не как особую задачу пролетариата и его партии, стоящую отдельно от других задач, а как составную часть всей общепролетарской борьбы за уничтожение капитализма, построение социализма и коммунизма» [10, с. 3]. Отношение к религиозным организациям идеологическим активом должно было соотноситься с «политическим моментом». Фактически одновременно шла установка с требованием «научности» в атеистической пропаганде, «терпения» к «религиозным предрассудкам» и усиления красного террора, вскрытия мощей, грабежа молитвенных помещений и насилия над пастырями. С одной стороны, красной нитью проходила логическая последовательность пути перехода атеиста на антирелигиозные рельсы: получение

информации о религии, обозначающей неисторичность библейских персонажей, в том числе Иисуса Христа, «земное происхождение праздников», экономический характер деятельности религиозных структур; изменение социально-бытовых условий; развитие культуры, образования и науки. Все это должно было захватить человека, вовлечь в общественную деятельность, привить советскую обрядность и традиции, тем самым заменив религию, церковь, семью. В теории эти институты были не нужны, кроме реабилитированной здравомыслящими коммунистами семьи. Государство, партия обозначали, что весь спектр функций религии берут или могут взять на себя, освятив их знаменем коммунизма. Здесь же важно отметить, что в конце 1920-х гг. достаточно жестко был поставлен вопрос о моральном облике самих активистов-безбожников. Совершенно необходимо было отбросить ранее насаждаемые разного рода посягательства на интимную сторону взаимоотношений единомышленников [14, л. 106–107]. От них требовался максимально возможный отказ от алкоголя [15, л. 40]. Безбожников призывали к участию в соответствующих мероприятиях, к ударному труду, овладению знаниями, в том числе в области религии, истории церкви [16, л. 20].

С другой стороны, в реальности к декларируемым пропагандистским аппаратом постулатам о несостоятельности религиозных верований в социально благополучном обществе необходимы были и практические указания. Они звучали совершенно по-иному: «религия – тормоз революции», «религия – враг социализма», «разрушим черные гнезда» и т. д. Именно на основании подобных материалов и установок делегат конференции безбожников Минской области 6 января 1939 г. заявил: «Религия – это величайший дурман, величайший обман нашего населения. Это все равно, как зверь, попавший в капкан, крутится, вертится, но не сдается, но все-таки крах приходит ему» [17, л. 1].

И такие выступления низшего звена антирелигиозных работников основывались на методических указаниях свыше. В то же время спектр материалов, потенциально предназначенных для формирования безрелигиозного общества, распространения атеизма, имелся широчайший. От классических трудов основоположников марксизма-ленинизма, произведений атеистов XVIII–XX вв. до демагогических требований Л.Д. Троцкого, М.М. Костеловской, Е.М. Ярославского. Научно-экспертные труды П.А. Красикова, Н.К. Крупской, В.Д. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского, попытки здравого осмысления ситуации М.И. Калининым, А.И. Рыковым, Н.И. Бухариным, М. Горьким вносили неопределенность в содержание пропагандистских установок антирелигиозного аппарата [18, л. 5–11]. На рубеже 1920–1930 гг. звучали и требования «выбить религиозный дурман из голов трудящихся», и уточнение из чьих голов надо выбивать. Трудовой элемент являлся одновременно и тормозом коммунизма в силу своей религиозности, и его строителем в силу своей производственной деятельности. В то же время все непосредственные указания к действию вырабатывались в Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), в VI отделе ВЧК-ОГПУ и лично В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, И.В. Сталиным и фактически на практике нивелировали всю имевшую место теорию [19, с. 359–361], [20, с. 17, 34, 56, 77].

Успехи в репрессивной и административной кампании начала 1930-х гг. вызвали к жизни новые идеологические установки по отношению к религии и церкви. Религиозные организации уже не представляли реальной политической силы, в то время как идеалистическое мировоззрение, религиозность советских граждан диссонировала с задачами государственного строительства. В 1932 г. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б) взяла курс на полное уничтожение любых капиталистических элементов и классов в целом в советском обществе. Предстояло полностью ликвидировать предпосылки к возникновению классовых различий, исключить эксплуатацию человека человеком. Новое бесклассовое общество должно было объединять лишенных любых капиталистических ориентиров сознательных строителей социализма и коммунизма [21, с. 5], [8, с. 360]. Предложить что-то конкретное в отношении преодоления веры человека в Бога было проблематично. Основная масса установок была провозглашена ранее, и поэтому антирелигиозная пропаганда стала основываться исключительно на задачах обеспечения безопасности советского государства и общества. Для широких масс это было изложено в докладах по поводу убийства С. Кирова, принятия новой Конституции 1936 г. и при обнаружении «политической близорукости» среди партийных и советских руководителей.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» и особо в разделе «О диалектическом и историческом материализме» авторский коллектив под курацией И.В. Сталина обосновывает закономерность широкого распространения материализма, превосходства пролетариата над буржуазией и неминуемости победы коммунизма в советском государстве под руководством ВКП(б) [22]. Изданный в 1934 г. 6 000 000 тираж ассоциировался с именем вождя народов, который однозначно обозначал, что «религиозные предрассудки» – это пережиток буржуазного прошлого, а «победы социализма наносят по ним сокрушительный удар» [23, л. 21–22]. Фактически И.В. Сталин очередной раз давал указание на необходимость максимальной вовлеченности всех граждан в социалистическое строительство, защиту Отечества. Безусловно, это подразумевало и борьбу с врагами, однако перепись 1937 г. показала, что верующих в стране не менее 60 %. Мог вождь предполагать и о более высоких показателях религиозности. В тоже время «Краткий курс» закачивается следующим высказыванием: «Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми» [22, с. 249]. Конфронтация с «матерью», «народом» по вопросам веры в Бога не принесла значимых результатов. Сталинский призыв в конце 1930 гг. бороться «с религиозными предрассудками» фактически явился калькой «Казнить нельзя помиловать». Что необходимо было делать антирелигиозному активу? Какие идеологические установки направлять вниз, если в «советском обществе религии нет места», социализм в стране был в основном построен и находился на заключительном этапе, а религиозность населения «зашкаливала» [24, с. 211]. На местах видели, что СВБ развалился, нелегальная религиозная деятельность массово проявляется, а антирелигиозная работа не находит понимания ни среди партийных работников, ни среди рядовых граждан.

Таким образом, приоритетной задачей антирелигиозного аппарата советского государства было обеспечение максимально широкого распространения коммунистического учения среди населения. В рамках данного процесса гражданин должен был осознать свои персональные перспективы после принятия предполагаемой программы действий. Выдвижение самого человека и коммунистической партии в качестве основных акторов создания нового благополучного общества всеобщего благоденствия противопоставлялось иллюзорности сверхъестественных сил. Одновременно веру в Бога, допускающего существование несправедливых общественных и социально-экономических отношений, предлагалось заменить верой в прогрессивное коммунистическое учение и его непосредственных исполнителей. Следует отметить, что задачи государственного строительства, отдельные решения съездов компартии, выступления большевистских лидеров, «политический момент» не позволяли сформировать единый подход к атеистическому воспитанию населения, к его содержательному наполнению. Главное методическое указание, что верующий человек не мог быть сознательным строителем социализма и коммунизма, противоречило имевшим место достижениям народно-хозяйственного комплекса СССР во второй половине 1930-х гг. Общепринятого, понятного верующим обоснования, почему человек должен был стать атеистом, сформулировано не было.

Литература

1. Луначарский, А. В. Об антирелигиозной пропаганде / А. В. Луначарский // Революция и церковь. – 1919. – № 1. – С. 13–16
2. Ленин, В. И. Странички из дневника / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1970. – Т. 45. – С. 363–368.
3. Бухарин, Н. Азбука коммунизма : популярное объяснение программы Рос. коммунист. партии большевиков / Н. Бухарин, Е. Преображенский. – Самара : Изд-во Самарского губкома Р.К.П., 1920. – 284 с.
4. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – М. : Гос. изд. полит. лит., 1955. – Т. 1, 2-е изд. – С. 414–429.
5. Ленин, В. И. Социализм и религия / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1968. – Т. 12. – С. 142–147.

6. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев ; АН СССР, Науч. совет по пробл. культуры. – Репринт. воспроизведение. – М. : Наука, 1990. – 220 с.
7. Алексеев, В. А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В. А. Алексеев. – М. : Россия молодая, 1992. – 246 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6204.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А353. Оп. 8. Д. 8.
10. Платонов, Р. П. Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации : (1926–1929) / Р. П. Платонов ; науч. ред. Ф. П. Шмыгов. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 89 с.
11. Иларион (Алфеев; митр. Волоколамский). Церковь в истории. Православная Церковь от Иисуса Христа до наших дней / Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). – 2-е изд. – М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ : Познание, 2017. – 359 с.
12. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1968. – Т. 17. – С. 415–426.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3097.
14. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 161. Оп. 1. Д. 193.
15. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 40.
16. ГАГО. – Ф. 623. Оп. 1. Д. 22.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1 Д. 13897.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 172.
19. Янушевич, И. И. Основные направления деятельности антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) (1922–1925 гг.) / И. И. Янушевич // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. ст. – Минск, 2020. – Вып. 20, ч. 2 : Исторические и психолого-педагогические науки. – С. 354–362.
20. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гум. ун-та, 2014. – 381 с.
21. ВКП(б). Конференция (1932; Москва). XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчёт. – М. : Партийное изд-во, 1932. – 396 с.
22. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс – М. : Госполитиздат, 1938. – 249 с.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15595.
24. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(б) : 10–21 марта 1939 г. : Стеногр. отчет. – М. : Госполитиздат, 1939. – 744 с.